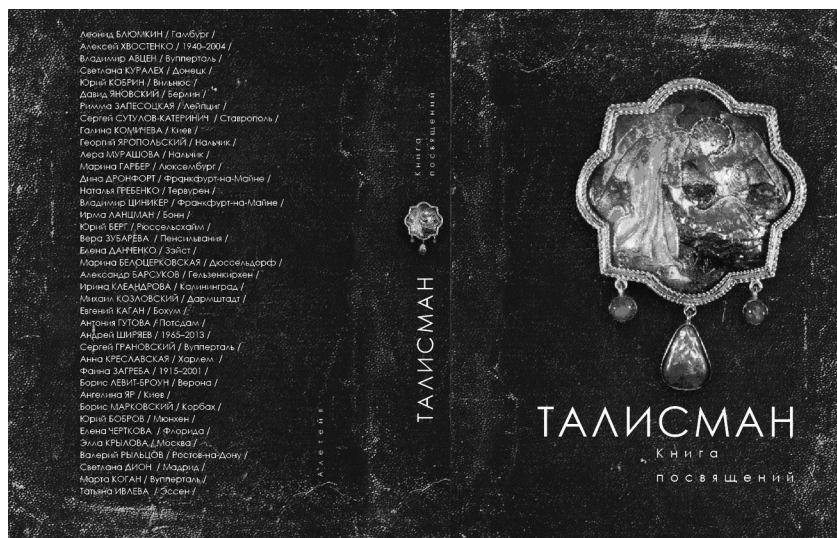

Книги
наших
авторов

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Передо мной – книга, скомпонованная по довольно редкому принципу: в ней собраны стихотворения с посвящениями. Можно сказать, находка для литературоведа, ибо здесь представлена вся жанровая палитра посвящений – от буквенных инкогнито до полных имён, включая топонимы. Известно, что любое стихотворение, даже обращённое к самому себе, – поиск собеседника, родственной души. Стихотворение с посвящением – это «слышание себя изнутри <...> в эмоциональном голосе другого» (М.М. Бахтин). Таково неизбывное родовое свойство лирики.

Классическое посвящение в малых жанрах, знакомое каждому из нас, обычно сохраняло криптонимную, тайную природу. Встречаются такие и в книге «Талисман», например, у Риммы Запесоцкой – К*** («Всё дальше расходятся наши пути...»), Галины Комичевой – NN («Как яблоко, готовое упасть...»), Юрия Кобрин («Друг для друга» с целомудренным посвящением Н.К.) и др.

Пограничным жанром по отношению к классическому посвящению выступают, конечно же, мемории: «На могиле Высоцкого» (Светлана Куралех), «Кавказский мечтатель. Памяти отца» (Георгий Яропольский), «Памяти Серафимы Бронштейн» (Татьяна Ивлева), «Памяти Наташи Хаткиной (Владимир Авцен), «Мемориал над Рейном «Маалот» (Римма Запесоцкая), триптих «Вечной памяти моего отца» (Анна Креславская) и многие другие. В крошечном мемориальном цикле Эллы Крыловой «Синхронизм» – непреходящая боль утраты. Цикл написан верлибром, и от этого переживание лирической героини предстаёт жизненным, безыскусным. Название цикла подчёркивает родство душ оставшихся и ушедших. В резонанс входят бытовые напоминания о брате (печатание его фотографий, его любимая музыка) и апелляция к Богу-разлучнику:

*Яхве, ты спросил у Каина:
«Каин, где брат твой Авель?»
А я спрошу у тебя:
«Яхве, где брат мой Джеральд?»*

Из этого скорбного ряда выламывается неожиданное, отточенное и грациозное «Воспоминание о плоде граната» Алексея Хвостенко, где угадываются философские интонации.

В эпитафиях, согласно жанру, имена тех, кому посвящается произведение, открыты. У Антонии Гутовой они посвящены Б. Энтину, Гуревичу и другим близким людям. У Светланы Куралех – Евгению Леонову, Юрию Никулину, Богдану Ступке, Валентину Гафту... Имена Зиновия Гердта, а также его героев (Люциуса и Мефистофеля) обыграны в озорном катрене:

*Мы изучили фас его и профиль,
заметили мыслителя плечо.
Был Люциус, теперь он – Мефистофель.
Какого Гердта надо вам ещё?*

Светлана Куралех представлена в сборнике ещё и редким, да и технически сложным жанром акроэкспромта, сочетающего приметы акростиха, эпиграммы и «стиха на случай» («Белле Ахмадулиной» и «Евгению Евтушенко»). Имя адресата из названия дублируется здесь и в акронимной вертикали.

Сегодняшняя поэтическая вольница позволяет экспериментировать с традиционными приёмами в использовании эпиграфов и посвящений, что порой придаёт заглавию барочную избыточность и прихотливость. Посвящения становятся иногда лишь поводом для игры смыслов, как в стихотворении Алексея Хвостенко «Приличия ради» с посвящением М.В. Ломоносову:

*мы в колбочках теперь
летим в стекляшках
бусинах
летим теперь
и вежливо киваем встречным <...>*

Вот и стихотворение Юрия Берга «Набокову» также является сложной композиционной системой. После собственно заглавия здесь следует эпиграф из набоковской же «Лилит» («От солнца заслонясь, сверкая / подмышкой рыжею, в дверях / вдруг встала девочка нагая / с речною лилией в кудрях»), но само мучительное воспоминание адресовано не Набокову, а вовсе другому человеку – любимой женщине. В силу этого «плотские» флюиды эпиграфа истончаются и разрушаются в произведении, ибо разрушаются и ритмо-метрический рисунок, и тематический план: в эпиграфе из Набокова всё – надежда и жизнь, а в стихотворении – скрытое отчаянье и смерть:

*Руки тянешь ко мне – люби, люби!
но лишь стоит шагнуть к тебе,
ускользаешь вновь и кричишь: лови!
а вокруг – круги по воде.*

*...Поминальной молитвы шепчу слова,
крест кладу на себя рукой,
«попереши змия, на Мя упова,
сам и душу раба упокой»!*

И, напротив, в стихотворении Берга «Гоголю» заглавие-посвящение продуцирует гоголевскую эстетику тайны и комического ужаса, вызывая в читательской памяти сцены то ли «Майской ночи», то ли «Заколдованного места»:

*А у оута крутятся черти,
с отраженьем играя Луны,
и котяра играет на флейте,
и танцуют гопак кавуны.*

Во всех посвящениях сборника «Талисман» обнаруживается несколько тематических «болевых точек». Прежде всего, это родные поэтам люди: мать, отец, братья, сёстры, бабушки, тёти... Дети. Кровная и духовная связь – иногда всё ещё существующая, длящаяся, но чаще – прерванная или близкая к разрыву. Память сердца – всегда востребованная, всегда спасительная, вызывающая то очистительные слёзы, то грустную улыбку. Щемящие ноты невозвратности жизни пронизывают стихи-посвящения Бориса Марковского («Отцу», «Матери», «Дочери», «Старые фотографии» и другие). И вместе с тем в них натянута и звенит тугая нить, связующая времена: отец, мать, дочь, закат и рассвет, финал и начало...

Вторая «болевая точка» – друзья и любимые. Иногда те и другие названы по именам, иногда лишь обозначены: Татьяна Ивлева – «Мальчики. Светлой памяти друзей детства – Юры, Володи, Нуржана»; Леонид Блюмкин – «Друзья детства» («Клён у крыльца дощатого барака...»). У Валерия Рыльцова, чей отточенный и безжалостный стих словно вскрывает бытийные покровы, некоторые послания друзьям маскируются под стихоподобную прозу, где только «рифм сигнальные зво-

ночки» (А.А. Ахматова) и чувство ритма приходят на помощь читателю:

Срезает времени фреза азарт лица и плоти порох, как ни дави на тормоза, не избежать краёв, в которых свирепствует пора утрат, нас обрекая на забвенье... Каким люминофором, брат, на стенах третье поколение начертит знаки, наши титанаж уничтожая без вопросов. Что им, глумливым, эпатаж трубящей эры паровозов?.. («Леониду Григорьяну»).

У Бориса Марковского в посвящении Е.М. («Не пишешь, не пишешь, не пишешь...») фактура стиха резонирует с верленовским настроением, отчего «полутон» печали лишь усиливается:

*«Не пишешь, не пишешь, не пишешь...»
О чём же тебе написать?..
О том ли, что ветер над крышей
листву заставляет летать?
<...> Всё та же, всё та же морока,
вселенская хворь или хмарь –
кромешная музыка Блока,
аптека, брусчатка, фонарь...*

Женственна и прозрачна лирика Веры Зубаревой. Интонации тоски и грусти неназойливы, однако их спокойные, без эффектного надрыва ноты лишь усиливают драматизм происходящего:

*<...> Здесь – только лампа и луна
Во всём большом квадрате ночи.
Я думаю, что я одна,
Ты думаешь, что ты одна,
И сумма наших одиночеств
Кому-то третьему видна
(Посвящение Людмиле Шарфа)*

В посвящениях Юрия Кобрина – имена и близких, и весьма именитых: Андрей Битов («Русская поэзия»), Арсений Тарковский, Татьяна Озерская («15 мая 1984»)... В каждом произведении Кобрина, дружески интимном или гражданском, – философское вопрошание жизни, истории, судьбы:

*<...> Дрожало море слюдяною плёнкой,
и, заминая, видели втроём,
что даль уже не та за дымкой тонкой,
и голос звонкий смуглого ребёнка
раздался:
«Для чего живём?»*

Третья «болевая точка» – «великие» (известные) люди. Понимания авторов обращены к Борису Чичибабину, Матвею Грубину, Инне Лиснянской (Владимир Авцен), Белле Ахмадулиной и Юрию Любимову (Светлана Куралех), Анне Ахматовой (Татьяна Ивлева) и Осипу Мандельштаму (Римма Запесоцкая, Борис Марковский)... Каждое «великое» имя – своего рода камертон, проверка не только поэтического, но и *этического* слуха, как в стихотворении Владимира Авцена «Поэт» (посвящение Борису Чичибабину), где определяющими становятся совесть художника и трагический дар предвиденья:

*Эпохи постыдная мета –
державный мажор и елей.
Непраздное слово поэта
непразднично в сути своей.
<...> Как будто бы пламенем серным
нутро его обожжено,
как будто он знает, что смертным
ни ведать, ни знать не дано...*

Небольшой цикл Дины Дронфорт под названием «Вослед кометам» объединяет сразу три посвящения – Булату Окуд-

жаве, Отару Иоселиани и Акутагаве Рюноскэ. Особенность компоновки материала продиктована тематически (песенник Окуджавы, режиссёр Иоселиани, завораживающий дальневосточный колорит Акутагавы).

Стихотворение Сергея Сутулова-Катеринича «Кавказ: две с половиной цитаты над пропастью» представляет в определённом смысле поэтическую игру. Казалось бы, оно посвящено цеховому братству – Лере Мурашовой и Георгию Яропольскому (кстати, выходцам с Кавказа). Но, вчитываясь, понимаешь: произведение имеет свою внутреннюю логику, включает в себе адресный посыл не только к поименованным в посвящении друзьям, но и к авторам этих самых «двух с половиной цитат» – Пушкину (цитата «Кавказ подо мною...»), Лермонтову (цитата «Как сладкую песню отчизны моей...») и Пастернаку («Кавказ, что мне делать...», который и есть «половинная» цитата из его стихотворения «Пока мы по Кавказу лазаем...»). Таким образом, в акт художественной коммуникации наравне с друзьями, упомянутыми в посвящении, включаются три великих поэта.

Мастерские стихи Марины Гарбер обращены к поэту-современнику Даниилу Чкони («Перепыхивай Лету, спеши, колеси её вброд...»). У Гарбер особая творческая манера. Её терпкие, напряжённые, словно формирующиеся на лету образы нижутся без передыха, без паузы, сталкиваясь друг с другом во всё более рискованных уточнениях, пытаясь то ли попастернаковски «дойти до самой сути», то ли истощиться до того предела, за которым – уже немота:

*<...> И пока ты плывёшь, нерадивый, пропадающий, чужой,
Горьковатую воду лоя вороватой губой,
Посмотри, как бескрайне закат покрывается ржой,
Как безадресно птицы кружат над твоей головою.
На побережье любовь, пошатнувшись, сошла с колеи,
Что изгрушечный поезд,
под склоны скатилась послушно*

*И бросает слова, словно сети, – на губы твои,
Но других не дано, и не будет других, и не нужно.*

В сборнике представлены и весьма своеобразные, завораживающие своей фантазийной прямоотой произведения безвременно ушедшего поэта Андрея Ширяева, и среди них – два посвящения легендарным персонажам. Первый – библейская Далила, погубившая Самсона, второй – Каллиопа, богиня эпической поэзии. Тема Далилы накрепко связана с темой любви до гроба (в прямом смысле слова), вечного противоборства страсти, предательства и благородства: <...> «Ворота отворила и кровь отворила, / отравила, оплакала, похоронила; / слышишь – ждут на пороге, клинками звеня...» <...>

«Каллиопа» посвящена петербургскому поэту Виктору Соноре, который много работал именно в жанре эпической лирики, так что переключка имён (посвящения и адресата) и словно подслушанный монолог богини выглядит оправданно и органично:

*<...> Мы только тень. Ты – в полусмерти, полусне –
Обрывок древнего древесного покоя,
Ночное таинство, нет, каинство ночное.
И птичий дар в руке. И в небе птичий снег.*

Поэзия барда Марины Белоцерковской пронизана песенными интонациями, что неудивительно. Её открытая, добрая, порой по-детски озорная и слегка лукавая манера узнаваема сразу. Читая её стихи, нужно настроить внутреннее ухо на мелодию. Иногда автор просто подталкивает читателя к музыкальному решению, оставляя в тексте рефрены и ритмические перебивы, как, например, в «Посвящении Анне Бонни и Мэри Рид...». Общий настрой благодаря перебивам колеблется в финале от эмоционального всплеска к вздоху сожаления:

*А брызги иль слезы – не все ли равно!
Еще остаются надежда и шпага,
И хрупкая грань между небом и дном.
Ах, леди, леди удачи!
Ах, леди, леди, леди удачи!
Ах, леди...*

И ещё одна саднящая «болевая точка» – назовём её условно топографической. Родина. Или местность, где поэт бывал счастлив, где обретал понимание, вдохновение. «Городам и Любимым» посвящён цикл Дины Дронфорт, здесь встречаются и словно воспитанно спорят друг с другом Верона, Амстердам, Киль... Южный, горячий и пряный, экзотический мир, продуваемый ветрами свободы, предстаёт в профессионально отточенных стихотворениях Елены Чертковой «Ratio», «Цыганская песня» и «Salsa». В «Лианозовских прудах» Елены Данченко соединяются боль за живую природу городских окраин («Под застройку закатаны насмерть пруды») и свежесть поэтического восприятия жизни («из расщелин асфальта траву выдувать / все трудней...»). Посвящение М.Ц. («Где тутовник и туя тесно переплелись...») поэтессы Леры Мурашовой чудесным образом – через конкретику и метафорику – восстанавливает цветаевский и гумилёвский контексты Серебряного века и недолгого кокетельского братства. Внутреннее напряжение сродни рвущейся струне достигается за счёт глубинных аллюзий вечной неприкаянности поэта и ранней гибели: читатель *знает* о смерти Николая Гумилёва (его скрытое присутствие обозначено у Мурашовой словосочетанием скудно *многообразие* из гумилёвского стихотворения «Природа»), знает о трагической кончине самой Марины Цветаевой... И угадывает жертвенный мотив вина, приходящий в трагическое противоречие с юным цветаевским пророчеством (вспомним: «Моим стихам, как драгоценным винам, / Настанет свой черёд»):

*<...> В южной зелени томной мирно зреет инжир.
Он, транзитный, бездомный, он, как мы, – пассажир,
станет ягодой винной. Значит, истина – есть?
Ах, Марина, Марина, благодатная весть. <...>*

К некоторым городам относятся слегка иронично и насто-
роженно, хотя и отдают дань их своеобразности, как у Анны
Креславской («Поедем в гости в Сандерленд...»):

*<...> Поедем в гости в Сандерленд.
Там ночь сродни обману...
Но только в гости. Насовсем –
я от него устану.*

Пространство разлучает, и поэтесса словно заговаривает,
баюкает свою боль от расставанья с сыном («Колыбельная
взрослому сыну..»):

*<...> Я живу в стране чужой
очень даже хорошо.
Боже мой, как хо-ро-шо
я живу в стране чужой...
Но дышать мешает боль:
мы не видимся с тобой.*

В каких-то городах и странах поэт теряет близких, друзей,
любимых – и эта боль вплетается в строки (Борис Марковский,
«В Коктебель приеду...»). Георгий Яропольский интересно ре-
шает трактовку названия города Нальчик – Нальчик (посвяще-
ние Игорю Терехову). В таком начертании просматривается
нарочитое смещение фокуса, формируется дистанция взгляда
издалека, с иной географической и культурной (иноязычной)
площадки. И всё же начальная латинская буква (N) остаётся в
одиночестве, ибо иным странам не отменить память сердца
о провинциальном городе детства и юности, его внутренней

неспешной жизни. После ворвавшегося в стих (и жизнь) иноязычия, после N, возникает тёплое чувство, окрашенное лёгкой иронией:

*Пусть малюет хоть кто не по-русски:
Pizza, Club, Vavilon ли, Vivat, –
на углах, как и франъше, старушки
сядут семечками торговать.*

Талисман становится композиционным маркером всего сборника. Мотив талисмана звучит в начале книги у Юрия Берга – «Храни меня, мой верный талисман» («Храни меня») и в финале («Талисман» Татьяны Ивлевой). Поэтесса находит изящное смысловое решение, тонко играя с подтекстом – в трудную минуту человек хватается за соломинку. Свой талисман, собственную «охранную грамоту» – всё, чем «богата» героиня, она готова протянуть во спасение сыну:

*Мою соломинку судьбы
Я разломил на две части.
Держи, одну тебе – на счастье!
Она поддержит в миг борьбы.
<...> Но счастье гость, увы, не частый,
Ты талисман мой не забудь –
Он стрелкой компаса в ненастье
Тебе укажет верный путь.*

Для каждого из поэтов, представленного в сборнике, – свой талисман, свой ангел-хранитель, своя путеводная звезда: творчество, дружба, любовь... Всё то, что составляет память сердца, которая, как известно, «сильней рассудка памяти печальной» (К.Н. Батюшков). И которая делает сильнее и тоньше читателя, прикоснувшегося к поэтическому талисману.

Ирина Попова-Бондаренко, Донецк

НОСТАЛЬГИЯ ПО ВЫСШИМ СМЫСЛАМ

Русский поэт позапрошлого века Евгений Баратынский был одним из первых, кто предостерег грядущие поколения от духовной деградации, упадка культуры и общего оскудения человека в человеке. Всё это он связывал с бурным развитием технократической цивилизации, с уходом от гуманистических традиций и постепенной утратой способов гармонизации социального пространства, главным из которых является поэзия.

*Исчезнули при свете просвещения
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы.*

(Е. Баратынский, «Последний поэт», 1835)

Трагична участь поэзии, нашедшей новые формы, однако претерпевшей деформацию, разбившейся на осколки в эпоху постмодернизма и деконструктивизма. Она уже не выпол-

няет основной своей функции – объединения пространства, человека и его окружения в гармоничное целое. Разговоры об этом – не пустое сотрясание воздуха. О функции поэта и поэзии в обществе с точки зрения социальной антропологии много говорится в исследованиях известного французского ученого Филиппа Десколы. «Даже в тех культурах, где нет письменности, всегда находятся несколько человек (их бывает очень мало, они воспринимаются как исключительные личности, и этнографы даже называют их имена), кто пытается выстроить определенную целостную картину». (Филипп Дескола, «По ту сторону природы и культуры»). Именно эти люди, назовём мы их шаманами, философами или поэтами, определяли онтологический статус того или иного животного, природного явления, стихии, человека и формировали систему отношений между женщинами и мужчинами племени, между живым и неживым, определяли направление развития социальной системы и просто гармонизировали её. Песня устанавливала взаимосвязь между охотником и зверем, членами племени, племенем и стихиями, человечеством и богами. В современном технократическом мире поэт заигрался со словами, за увлекательной и заушной игрой в бисер потерялся смысл, исчезла суть, нарушилась функциональность поэзии. В последнее время в Фейсбуке в тех или иных публикациях постоянно всплывает забавный диалог, впервые опубликованный неизвестным автором:

– Я правильно интерпретирую семантику вопроса, но полностью игнорирую его суть.

– Не могли бы вы привести пример?

– Мог бы.

В поэзии, высокой поэзии, поэзии так называемого «гамбургского счета» происходит ровно то же самое – игры с семантикой зачастую полностью вытесняют суть. А потом мы ищем корни нашей ностальгии, удивляемся, почему современный обыватель не читает современную поэзию, почему он вот

уже полвека предпочитает Ахмадулину, Евтушенко и Вознесенского. По той же самой причине возник феномен Веры Полозковой, выступления которой собирают полные зрительные залы при немаленькой цене на билеты. Не потому что она «проще», а потому что в её поэзии есть смысл, она функциональна, она создаёт среду, формирует невидимые связи в нашем разбитом, уставшем от крысиных бегов социуме. Возможно, так. Во всяком случае, сборник, который сейчас перед нами, чрезвычайно радует в этом плане. Семантическая сложность не убивает сути, простота функциональна, эксперимент не разрушает гармонии, традиция не отрицает эксперимент.

И тут оказывается, что нас преследует не просто ностальгия по образам с выцветших фотографий – это ностальгия по системе образов, точнее, по их гармоничной систематизации, которой призван заниматься именно поэт. Ностальгия по высшим смыслам. В итоге тоска по утерянной гармонии приводит к воссозданию этой гармонии, ностальгия ведёт к рождению новой поэзии, снова живой, снова гармоничной, снова ценной для читателя и слушателя. Здесь неважно, уехали вы или остались. Ушло время, ушла его структура. Приходит время новых смыслов – как новые высоты и небоскрёбы растут в наших когда-то уютных городах, так и они – вскоре покажутся нам чем-то привычным, обыденным и таки уютным.

Не последнее место в смыслообразующей поэзии занимает цельный образ лирического героя, который предстаёт перед нами монолитной фигурой, проглядывающей сквозь отдельные стихотворения, посвященные разным людям и разным событиям. Такой лирический герой очень ярко проявляется в поэзии Бориса Марковского – в этой монолитной фигуре мы узнаём самого автора, который, словно магнит, формирует вокруг себя среду. «Словно шаман, кружа», говоря словами Бродского, он «наматывает, как клубок, на себя пустоту её», расставляет фигурки по полочкам, укладывает вокруг дома сугробы и заштриховывает тени под фонарём. Поэт-путешественник, поэт-бродяга – кажется, все надежды его устремле-

ны к поиску утраченного, несбывшегося... Сравнивая себя с иногородним гостем, «приехавшим из дальних мест» в одном стихотворении, в другом он подробно описывает отчаяние, которое охватывает путешественника, пускающегося из одного дальнего странствия в другое. Этот характерный для многих поэтов-эмигрантов образ напоминает о бесприютности и неприкаянности, «онтологической ностальгичности» всякого странника.

*...Должно быть, так норвежский викинг,
вернувшийся в родимый фьорд,
сжигал отравленные книги
уже на площади Конкорд.*

(«Сперва, уча язык фарерский...»)

Но вечный поиск утраченного времени обрекает его на бесконечные и, как мы можем догадываться, бессмысленные скитания:

*И сотни европейских улиц
мне не заменят той, одной,
где мы навеки разминулись,
зачем-то встретившись с тобой.*

(«Невзрачные дома...»)

Произведения поэтессы, рожденной в городе на Неве, а теперь проживающей в Лейпциге, Риммы Запесоцкой, представляют собой своеобразный лирический дневник – это пространное описание, исследование себя, прогулки по улицам города, путешествия, события, показанные с поистине дневниковой точностью («Пожар в библиотеке Академии наук») – и все это проникнуто высшим смыслом и ощущением вечности – как будто автор, пребывая в какой-то местности, находит себя одновременно в прошлых жизнях («...и гор окрестных гулкий ропот – с тех пор, как я здесь не была» (из цикла «В центре Азии»)).

Всё в её поэзии идет от себя, от истока, при этом поэтесса остается исключительно чувствительной к внешнему миру:

*Чуткая ко всем прикосновениям,
раненная каждою бедой,
ты не прикрываешься забвением
и неравный принимаешь бой.*
(«Бесконечно маленькая точка...»)

Она внимательно следит за своими внутренними переживаниями, при этом не забывая о других людях, важных в её жизни, оставшихся или уже ушедших:

*Смотрю в глаза и вглядываюсь в лица,
исследую бумаги хрупкий тыл...
Они живыми могут лишь присниться,
их взгляд на фотографии застыл.*
(«Лица»)

Эти воспоминания, что не удивительно, пробуждают ностальгические нотки, так появляются живые строки о жизни «на Пяти Углах», в которых, конечно же, легко узнается Петербург:

*...и где, как динозавры с шуткой пьяной,
когда на них шальной находит стих,
Кузнечный с Колокольной и Стремянной,
как встарь, соображают на троих.*
(«У Пяти Углов»)

У молодой поэтессы Дарьи Александер весьма удачно получается передавать ощущение трагической безысходности бытия. Когда-то критик Виссарион Белинский писал о молодых людях своего поколения: «Лирический герой нашего времени более грустит и жалуется, нежели восхищается и радуется...» Похоже, это ощущение трагичности – не общая примета вре-

мени, а печать избранных, не зависящая от эпох и поколений. Проникнутое мрачной скорбью ощущение жизни – проходящей напрасно, неправильно, не так и не там – передаётся через образы, через предметы, и каждый предмет вопиет. Вот и книги говорят поэту всё о том же, о том же шелестят страницы: «Страницы презрительно сжаты, потухшие строчки пусты» – даже через описание предметов передаётся читателю эмоциональное состояние поэта. Иногда то же ощущение достигается, когда автор даёт высказаться своим персонажам: «Я королева утраты, Траур ношу по любви» («Шах королю»). А в отдельные моменты поэтесса осмеливается заговорить с читателем напрямую:

*Внутри у меня – ураганы,
Столетние шхуны, моря.
И пары сгорают в романах,
Как ром, подожжённый зазря.*
(«Страницы презрительно сжаты...»)

Необыкновенно женственная лирика Инны Калины открывает нам все тайны девичьего, материнского, несчастлившегося, вдовьего. Это особое ощущение женственности сквозит даже в пейзажах, качается в каждой можжевельной ветке, звучит, как материнский поцелуй «от пяточек до волос».

*Пью Весну не спеша,
Снег весь за день сошёл,
Горечь почки прибавила вкуса.
Нерождённый мой сын
В этот день бы пошёл –
Шалунишка с головонькой русой.*
(«Весенний поцелуй»)

В стихах Ренаты Вольф, поэтессы из Дуйсбурга, родившейся в Казахстане, отчётливо проявляется новый характер

поэзии, очищенный от «слова ради слова», возвращение к простым ясным образам, лермонтовским по чистоте – ясный образ и чистота идеи, чёткость мысли, выраженной посредством точной метафоры. Здесь скорее даже вспоминается Гейне, последний поэт «романтической эпохи».

*Ночь ещё не вступила в свои права,
День оставил повсюду тепла следы,
А на небе светила одна звезда,
Много света ли от одной звезды?
Фонари завлекают морем огней,
Фонари так близки, им со мной по пути.
Трудно с ними тягаться звезде моей,
Но шепчу ей упрямо: свети, свети...
(«Моя звезда»)*

Светлые поэтические пейзажи киевлянки Галины Комичевой и московского поэта Владимира Бережкова сотканы из ослепительно ярких нитей, словно из солнечных лучей и золотистых сосновых иголок, из морских капель и звенящих струн. Оттого, наверное, их стихи звучат, как воплотившаяся в словах музыка:

*...и в тающем лете под золотой звездопад
звучит мерным шелестом белая fuga прибоя...
(Г.Комичева «Мне довольно того...»)*

*Там стаи прозрачных мальков,
Подплыв к незабудкам небесным,
Глядят, не боясь башмаков,
В открытую синюю бездну.
(В. Бережков «Пахра»)*

Пейзажные зарисовки поэтов очень экспрессивны, объемны, созданы не для пустого описания ландшафта, а для того,

чтобы передать чувства, ощущения, обуревающие самих авторов. Их мир – живой, огромный, дышащий, непостижимый:

*Огромный мир и в эту ночь не спал,
он, каторжный, вращал земное тело,
превозмогал, ворочал, закипал
в мирах непостижимости пределов.*

*(Г.Комичева «Который час? –
ну да, уже светает...»)*

Мелодика пейзажного стиха завораживает и не отпускает, словно таинство, словно прикосновение к собственному прошлому:

*В старом доме у хвойной опушки
Запах трав полной грудью вдыхать,
В тусклом зеркале видеть веснушки
И озёр отражённую гладь.*

(А. Ясногородская)

Бесприютность и неприкаянность сквозит в стихах Ангелины Яр. Её увлекает жизнь на ветру, под звуки рок-н-ролла, в плену странных видений («Конопляный бог»). Впрочем, ей не чужд романтизм («Очарованная Лорелея»), который, в своеобразном немецком изводе, прослеживается у многих наших поэтов, не только у тех, кто в своё время эмигрировал в Германию. Некоторые стихи поэтессы по ритмическому строю и лексикону очень близки народным песням, сказам.

*В горклom масле лампады
задыхается ветхий фитиль.
Бросим в чай для улады
сахаристую горечь-ваниль.*

(«В горклom масле лампады...»)

Неудивительно, что несколько стихов Ангелины Яр стали песнями, что отмечено в подборке.

Сборник «Ностальгия» не ограничен рамками поэзии. В нём есть и короткая проза: остроумные истории Елены Ханн, наводящий на размышления рассказ с двойным дном Александра Барсукова, футуристическая философская реминисценция Владимира Ландкофа и стихи-притчи Антонии Гутовой. Также присутствуют поэтические переводы – от английских классиков до немецких и американских современников, лауреатов престижных премий.

Одними из самых ярких в сборнике являются страницы, на которых представлен лирический дуэт двух российских поэтов: безвременно ушедшего из жизни Георгия Яропольского и его музы Леры Мурашовой, оставшейся хранить творческое наследие поэта.

«Не думай обо мне», – пишет Георгий Яропольский в первых строках стихотворения «Сбой».

«И не проси, я буду думать, милый,
узнает и слепой орёл – орла.

Ты сладких мук моих не вырвешь силой,
ведь я тебя две вечности ждала!» – отвечает ему Лера Мурашова.

Так открывается их подборка-диалог, в таком ключе она и продолжается – каждый стих Мурашовой звучит как отклик на стихи Яропольского. Как поется в одной ностальгической песне – «Мы долгое эхо друг друга...»

Тезис о том, что происходит возвращение к романтизму (особенно это касается поэтов, обосновавшихся в Германии, возможно, потому что она является родиной данного художественного направления), подтверждает анализ поэтической подборки Татьяны Ивлевой. Её лирические герои наделены сильными, яркими чувствами, смелыми надеждами, бунтарскими страстями. «Романтическое двоемирие», характерное для романтиков прежних эпох, воспроизведение старинных легенд и преданий, уход в мифическую реальность (среди её героев Кассандра, Си-

рин, Лорелея, Лилит), в иные миры, за пределы обыденности – все это прямо свидетельствует о вышеозначенном.

*Живу – ни городу, ни миру –
С душой, как с девочкой больной,
Забыв перо, забросив лиру,
Ни Богу – свет, ни тьма – кумиру.*
(«Взгляд в небо»)

Здесь прослеживается типично романтический конфликт: духовного с бездуховным, возвышенного с низменным. Благодаря этому стихи Татьяны Ивлевой сильны по эмоциональному и эстетическому воздействию. Рассматривая весь спектр образов и сюжетов, можно сказать, что поэтесса близко знакома с байроновской «музой мести и печали, проклятия и отчаяния» (из высказывания Достоевского о Байроне, «Дневник писателя», 1877). Многие стихи её построены как страстные монологи, и практически в каждом из них – щемящая ностальгическая нота:

*Оборвутся навек на чужих берегах
Наших древних кочевий следы...
И никто не спасёт – ни Христос, ни Аллах –
От чужой – безысходной – беды.*
(«Скифы»)

Одно из стихотворений, которое, скорее всего, подарило имя и задало направление всему поэтическому сборнику, так и называется – «Ностальгия». И в нём прослеживается хорошо уже знакомый нам романтический канон:

*Вонзи мне в сердце серый клин, вожак!
Пусть в безрассудной пропади отваге.
И, задыхаясь, будет по бумаге
Моё перо вдогонку мне бежать.*

Ностальгией проникнута и лирика Дины Дронфорт – можно сказать, что это основной мотив, пронизывающий её подборку:

*А если времени нарушу
закон, а если я вернусь?
Найду излом знакомой крыши,
в проулка реку окунусь...*

(«Тополя в Томилино»)

Здесь мы обнаруживаем весь спектр ностальгических переживаний: и размышления о покинутой родине, и тоску о детстве, и мечты о возвращении – их чередование образует своеобразный внутренний сюжет. Бережно, с любовью относится поэтесса к названиям предельно конкретных мест, чувствуется, как важны ей те ощущения, которые они вызывают. И незнакомое место уже отзывается в нашем сердце знакомым отзвуком.

Трепетные ностальгические нотки явно слышны в стихах многих поэтов-эмигрантов: Владимира Авцена, Алексея Душина, Анжелики Миллер, Ольги Бешенковской, Леси Тышковской, Владимира Циникера, Георгия Лельганта:

*Где бы я ни шагал – буду знать и взволнованно слушать
Мерный рокот той силы, что скрыта под заревом гроз,
Где тайга подписывает могучую снежную кручу,
Где оставил я детство и сотни таинственных грёз.*

(Георгий Лельгант, «Магадан»)

Возвращение в поэзию смыслов, чувств, переживаний начинается с острейшего из них – чувства ностальгии. Хочется верить, что вслед за этим сборником последуют другие, которые раскроют читателю всю гамму человеческих чувств, отражённую в поэтических строках, которые помогут ему жить, искать, осваивать пространства горные и дольные – и глав-

ное – чувствовать мир и ощущать себя неизбывной частичкой этого мира. Ведь за каждой идеей и каждым чётко проявленным смыслом кроется замысел Всевышнего, и «всякое творчество, – как сказал Иосиф Бродский, – есть по сути своей молитва». (Соломон Волков, «Диалоги с Иосифом Бродским»).

*Я жизнь пишу в черновике,
мне не постичь её самой.
Я мотылёк в Твоей руке,
о Боже мой.*

(Римма Запесоцкая, «Cogito ergo sum»).

Елена Мордовина, Киев

Несмотря на все испытания, выпавшие на мою долю, считаю себя счастливым человеком. В детстве «Яжизнь» мне выпала писать родители на Южном Урале, на Кляном Урале, в краю легенд и удивительно красивой природы; провести детство не только в России, но и в Польше, Эстонии; получить для выбранной в раннем детстве профессии врача высшее медицинское образование в Санкт-Петербурге, где как-то незаметно пролетели 30 лет, отдалённые работы, семья, друзьям, увлечения. Величие, красота, интеллигентность и добродушие города сформировали мою мироощущения.

И как бы ветры и бури ни носили меня потом по свету, мысленно я всегда возвращаюсь к нему, хотя уже более десяти лет моим домом является Германия. Судьба позволяла увидеть много стран. Пересекла океан, удивлялась Америке. Плавала в Белом, Чёрном, Красном морях. Случалась симфонии шедевры немалых имен у дачи в Штутгарте. Стояла перед Стеной Плача. Штурмовала скалы, чтобы встретить рассвет над Массадой. Случайно гонимых, постигших ужасную судьбу Венеции. Прикасалась к мармору скульптур в Тривии и Италии. Бродила по средневековым улочкам Жироны, любовалась творениями Гауди в Барселоне. Сравнивала чужие кружева мостов над Дунаем, Вислой, Сеной, Тибром, Гангой.

Германию, такую удивительную и разную, я люблю! Жизнь научила радоваться не только своим, но и чужим успехам, переживать восторг в познании, ценить семейные устои, дружбу и преданность, дорожить немалыми чувствами, оберегать счастье и покой детей, помогать нуждающимся. Два сына и две внучки — мое продолжение на Земле. Необходимое им. Что еще нужно? Только чтобы жизнь продолжалась. Я пытаюсь её понять и, заглянув в себя, рассказать, как этот многоцветный мир преломляется во мне. Удивительное в жизни — на каждом шагу.

Например, читавший эту книгу непременно отметит улучшение настроения и здоровья, чего искренне и желает автор.

Галина Скютте В осеннем небе журавлиный клин

ГАЛИНА СКУТТЕ

В ОСЕННЕМ НЕБЕ

ЖУРАВЛИНЫЙ КЛИН

WUPPERTAL

BERÜHMTE
WUPPERTALER

2017

ЗНАМЕНИТЫЕ
ВУППЕРТАЛЬЦЫ

WUPPERTALER ELTERNVEREIN 3x3 E.V.

AKTUELLE AKTIVITÄTEN / ANGEBOTE:

- Hilfenetzwerk für Demenzerkrankte und deren Familienangehörige
- Gedächtnisschule
- Gruppen und individuelle Arbeit für Senioren
- Demenzprävention

- Literatur Café
- Ausstellungen (Foto, Kinderkunst)
- Literaturfeste für die ganze Familie
- Bastelstudio
- Zweisprachige Literatur Almanach
- Kalender mit Lichtbildern, Wuppertals Geschichte und Sozialleben

Ansprechpartnerin:

Zuskova Olga,
Tel. 01782934307